

На следующий день рано утром Пьер уже был на ногах — он твердо решил пойти вслед за зятем, куда бы тот ни направился.

Сестра, как и накануне, посоветовала поберечься. Но Пьер рассердился и прикрикнул:

— Конечно, если я дома буду пахать как лошадь ломовая, нашему барину приятнее будет прогуливаться. Дудки! Он пойдет гулять, и я пойду.

И Пьер, увидев, как его зять берет в дорогу посох и хлеб, завязанный в платочек, тоже отправился вслед за ним с топором в руке, как будто шел работать.

Чем дальше он шел, тем больше ему хотелось увидеть, куда же каждый день уходит его зять и как там проводит время. Ведь он никогда не рассказывал об этом, а Пьер его немножечко побаивался, что бы он ни говорил сестре, и спрашивать не решался. В то утро, как и всегда, странный человек не обратил внимания ни на Пьера, ни на собственную жену, ни слова им не сказал. А Пьер шагал все дальше и дальше, и, когда ему пришли на ум слова сестры «как бы не случилось с тобой чего», ему стало не так уж и хорошо.

А погода была славная, прохладная, солнце только-только поднималось. Чтобы развеять страх, Пьер глазел по сторонам и думал о том, что ему еще надо было покидать навоз, накосить травы, натаскать воды на луг...

А впереди него медленно шагал зять, с посохом и хлебом в руках, повесив голову. Пьер сказал про себя, глядя на него:

— И о чем это он все время думает? Уж конечно не о навозе и не о скотине. И где только моя сестрица откопала себе этого буку? Э, да не все ли равно! Сегодня я все о нем узнаю, или я ничего не стою!

А время шло. Пьер уже порядком напрыгался через заборы, придорожные насыпи, ему уже надоели нехоженые тропинки, а странный человек все шел и шел вперед. Пьер заскучал. «И куда это он хочет меня привести?» — подумал он. Но приходилось идти дальше, даже передохнуть было некогда.

Скоро они вышли на плохую дорогу. Пьер побоялся идти лесом, где он мог зашуметь и выдать себя, и пошел по дороге